

© А. И. Илиади
(Кировоград)

К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСЕМ

Статья посвящена вопросам этимологии и реконструкции первоначальной формы группы праславянских лексических реликтов в словаре современных славянских языков. Предлагаемая публикация относится по характеру проблематики к начатым автором ранее циклам “Слов’янські етимології” и “Этимологические заметки по славянской лексике”, напечатанным в разных научных периодических изданиях.

Ключевые слова: праформа, праславянский, этимология, производное, реконструкция.

О. И. ИЛИАДИ. ДО ЕТИМОЛОГІЧНОГО АНАЛІЗУ ДЕЯКИХ СЛОВ’ЯНСЬКИХ ЛЕКСЕМ

Статтю присвячено питанням етимології та реконструкції первісної форми групи праслов’янських лексичних реліктів у словнику сучасних слов’янських мов. Пропонована публікація за характером проблематики належить до розпочатих автором раніше циклів “Слов’янські етимології” та “Етимологические заметки по славянской лексике”, надрукованих у різних наукових періодичних виданнях.

Ключові слова: праформа, праслов’янський, етимологія, похідне, реконструкція.

O. I. ILIADI. ON THE ETYMOLOGIC ANALYSIS OF SOME SLAVONIC WORDS

This paper deals with the problems of etymology and reconstruction of the group of the Proto-Slavic lexic relics in the vocabulary of modern slavonic languages. The publication is a part of the circle “The etymologic research of the slavonic lexic”.

Key words: archetype, Proto-Slavic, etymology, derivate, reconstruction.

Предметом анализа в настоящей статье стал ряд славянских слов, генезис и структура которых в этимологической литературе по разным причинам или вообще не были объектами анализа, или признаны неясными, или же не получили убедительного объяснения. Приведенные ниже соображения дают основания рассматривать эти формы как исконно славянские лексические единицы, относящиеся к разным хронологическим пластам славянского словаря.

Рус. *алямón* ‘пресная или соленая лепешка’

Этот брянский диалектизм в новом этимологическом словаре русского языка определен как неясный. В статье, посвященной его анализу, под знаком вопроса дано сравнение с рус. диал. смол. *аллемуты* ‘закуска’, которое также “неясно” (Аникин 2007: 164, 186).

Нам представляется возможным сопоставление *алямón* с *аляммошки* ‘род пирогов’ костром. (Даль) (СРНГ 1965: 1, с. 248). Соотношение исходов этих форм - *мон/-мош-ки* напоминает структурное соотношение у слов, этимологически связанных с консонантным склонением типа *ремень* ~ *ремешók*, *камень* ~ *кámешек*, *олень* ~ диал. *олéшек* ласк. ‘олень’ север., арх., мурман. и др. (СРНГ 1987: 23, с. 186), поэтому теоретически в них можно видеть реликт *n*-основы. Итак, принимая во внимание, во-первых, неэтимологический характер *a-* в *алямón* и *аляммошки* как поздней протезы,

возникшей на диалектной почве в истории русского языка (большое количество таких примеров собрано в (Аникин, 2007)), во-вторых, вторичность $\ddot{a} < e$ ($<$ псл. **e*, ср. рус. диал. *ляпуха́* наряду с *лепу́ха* ‘сплошная короста, кора на коже’ $<$ **leruxa*; ЭССЯ 1987: 14, с. 131), можно возводить полученное таким образом **лемон* к псл. **leton-ъ* – тематизированная (на -*ō*) *n*-основа с корнем **lem-* ‘ломать, бить’, ср. восстановленные в литературе **lete*, -*ene* (: болг. *лемѣнь* ‘орудие, которым, пашут, плуг, соха’), а также **lẽte*, -*ene* (в свободном употреблении не отмечено; выделяется этимологически как производящее для **lẽtegy*/**lẽtezy*), о которых см. в (ЭССЯ 1987: 14, с. 111-113). Реконструированное **leton-* коррелирует с **lem-en-/lẽm-en-* так же, как **remy*, ген. **retepe* ‘ремень’ с рус. *ро́монь* ‘ремень’ (Фасмер 1987: III, с. 468, 469, 500; со ссылкой на Г. А. Ильинского и Н. Иокля) – очевидно, из **ремонь* (дистантная регрессивная ассимиляция *e-ō > o-ō*).

Семантически этимология, предусматривающая ориентацию на корень **lem-* ‘бить, ломать’, оправдана, если предположить, что первоначальным значением рассмотренных слов было ‘ломающийся, крошащийся хлеб, лепешка’ или ‘лепешка, которую ломают’, ср. рус. диал. *ломачи́* ‘лепешки, которые разламывают, поливают конопляным соком и варят в этом соке’ тул., *ломóтник* ‘пирог с репой и брюквой’ (СРНГ 1981: 17, с. 119, 124) ~ *ломáть*.

Серб. *ша́шањ*, -*шња* ‘древоточец *teredo*’

Лексема отмечена в словаре Л. А. Мичатека (Мичатек 1903: 666) и как будто не фигурировала в этимологических исследованиях. Потенциально возможно сравнение с рус. *ша́шал* I, *ша́шел* ‘моль, мелкие черви в рыбе, муке’, псков., твер., курск., воронеж., дон., астрах., *ша́шала* ‘червь, живущий в сотах, парша’, пенз. Эти формы признаются неясными и сравниваются с *ша́шал* II, *ша́шель* ‘дрянной человек’, псков., твер., *ша́шень* ‘т. с.’, псков., твер., для которых предполагается звукоподражательная природа и связь с *ша́шня*, *ша́шни*, мн., *ша́шѣнь* ‘осторожный шаг назад’ (Фасмер 1987: IV, с. 416, 417; со ссылкой на Н. Горяева и А. Преображенского). Если предположить, что значение ‘дрянной человек’ развилось из ‘нерешительный человек’, ‘трус’ = ‘кто идет на попятную’, а не из ‘слизняк’ или ‘гнузь’ (как негативная характеристика человека), которые могут быть семантически близки к ‘червь’, ‘моль’, то сходство обеих групп русских лексем может оказаться случайным. Потому существует вероятность их отдельного объяснения.

Сближение на правах родственных образований таких славянских названий насекомых, как серб. *ша́шањ*, -*шња* и рус. *ша́шал*, *ша́шел*, *ша́шала*, предусматривает

реконструкцію їх первонаочної форми, а именно – **šašъnъ* і **šašelъ* (**šašьlъ?*). Варіювання *-l-* : *-n-* в ісході цих слів дозволяє віднести їх в разряд реліктових граматических форм (архаїзмів) праславянського язика. Речь ідеєт о лексикалізації в праславянську епоху різних падежних форм одного слова, относившегося к індоєвропейському гетероклітическому склоненню на *-l* (основа пом., асс. sing.) : *-n-* (основа остальных падежей). Т. е. к тому же типу склонения, рудиментами которого в славянском и балтийском выступают, например, такие лексемы, как: псл. **sъršenъ* ‘шершень’ ~ болг. *стършел* ‘т. с.’ наряду с лит. *širšlỹš, širšinas* ‘большая оса, шершень’, д.-прус. *sirsilis* ‘шершень’ и др. (Фасмер 1987: IV, с. 432; отмечается, что это древняя и.-е. основа на *-r/n*); лит. *ąžuolas*, диал. *ąžuolis, -iēs*, лтш. *uõžuõls* ‘дуб’ и д.-прус. *ansonis* ‘т. с.’ (см. Eckert 1979: 18) и под.

Дальнейшие индоевропейские связи рассмотренных слов пока не ясны, что не позволяет осветить историю корня **šaš-*. Однако процедура их сопоставления важна сама по себе, т. к. показывает, что сербская и русские лексемы не изолированы в славянском словаре.

Болг. *галгун* ‘железная деталь крестьянской кожаной обуви, благодаря которой обувь не скользит при движении’

В “Болгарском этимологическом словаре” этот родопский диалектизм квалифицирован как неясный (БЕР 1971: 226). Если предположить, что *a* имеет вторичный характер, как, например, в случае с болг. *калбаса* ‘колбаса’ наряду с *колбаса* ‘т. с.’ < **kьlbasa* (ЭССЯ 1986: 13, с. 178), т. е. в итоге он является конечным звеном диалектной эволюции **ъ* в структуре типа *ъlt*, то в *галгун* логично видеть продолжение древней формы **gьlg-unъ*. Эта последняя представляет собой производное от глагольной основы ***gьlgati*, вариантной относительно **gьlzti, *gьlzati, *gьlziti*, ср. такие их рефлексы, как рус. диал. олон. *голзтѹ* ‘скользить’ (ДООВС 1858: 34), *голзатъ* ‘скользить’, ‘ползатъ’, ‘не сидеть спокойно, ерзатъ’, *голзитъ* ‘т. с.’ (СРНГ 1970: 6, с. 292, 293), (производное) блр. диал. туров. *загѣлзаць* ‘заскользить’ (ТС 1983: 88). Аналогичный пример вариантности конечных *-g* : *-z* в генетически тождественных основах представлен семантически близкими псл. **kьlgati (se)* (экспрессивный вариант к след.) : **kьlzati (se)* ‘скользить’ (ЭССЯ 1986: 13, с. 186, 194-195). Думается, что значительная близость формы и значений, с одной стороны, **gьlg-* : **gьlzati*, а с другой – **kьlgati (se)* : **kьlzati (se)*, не случайны: здесь представлены этимологически идентичные лексемы с варьирующимся анлаутным заднеязычным, как в случае с **gьlbъ*

(: схв. м. р. *губ* ‘лебедь *Cygnus*, ‘рыба выюн’) : **кълръ* (: схв. диал. *къл* ‘разновидности лебеда *Cygnus olor* и др.’), о которых см. ЭССЯ 1980: 7, с. 190; 1986: 13, с. 189-190.

Таким образом, можно не только объяснить историю отдельной группы форм, входивших в относительно большое этимологическое гнездо, но и восстановить старую словообразовательную пару ***gьlgati* > ***gьlgunъ* (как рус. *ползти*, *ползать* ~ диал. томск. *ползун* ‘однолемешный плуг’; СРНГ 1995: 29, с. 67), т. к. производящий глагол в болгарском, насколько нам известно, не зафиксирован.

Касательно истории вопроса этимологизации рус. *гълзать* ср. мнение Г. А. Ильинского о связи глагола (с чередованием) с *глызнуть* ‘скользить’ (~ *гылзать* ‘т. с.’ как новый итер. от **гьльзати*); М. Р. Фасмер обращает внимание на *кълзать* ‘т. с.’, которое могло повлиять на эту форму. В целом же *гълзать* признается неясным (Фасмер 1986: I, с. 428, 479).

Слвн. диал. [*čarňauk*] ‘красношейка’

Лексема отмечена в резыанских говорах словенского языка, где регистрируется и производная форма [*čarňaukit*] ‘т. с.’ (Бодуэн де Куртенэ 1966: 211). Насколько нам известно, этот орнитоним еще не был объектом этимологического анализа. Итак, *čarňauk* явно принадлежит к производным от адъективной основы **čьртъль(jь)* ‘красный’ (диал. форма *čarn-* < **čarmn-*), поэтому с объяснением первой части трудностей не возникает. Специальной этимологической трактовки требует только конечный сегмент *-uk*, соединяющийся с основой *čarň-* посредством *-ă-* (< **-o-*), которое, по всей видимости, является соединительным гласным между двумя основами в сложных словах. Собственно это и не позволяет заподозрить в *-uk* суффикс, т. к. славянское словообразование предусматривает присоединение суффиксов к производящей основе без специальной вокалической “прокладки”. Какова же природа этого *-uk*?

Обращение к типологии образования названий шеи в славянских языках приводит к актуальной здесь модели “глагол со значением ‘вязать’ или ‘шить’” → “шея, затылок”, семантическая сторона которой обычно представляется как ‘место связи, соединения’ → ‘шея’, ср.: псл. **šija* от **šiti*, чеш. *vaz* ‘затылок’ от **vezati* > чеш. *vazati* (ЭССЯ 1987: 14, с. 115; статья **lenъ*/**klenъ*; см. также Меркулова 1984: 294-295). Все это позволяет предположить в *-uk-* архаичное производное с нерасширенным формантом *-k-* от утраченного в славянском глагола **uti* ‘вязать, плести’ < и.-е. **au-* ‘плести, вязать’, ‘ткать’, ср. вариантное по вокализму, также утраченное, псл. **vyti* ‘т. с.’ как производящее для **vuja* ‘шея’ (сохранено старославянским и старорусским словарем;

Меркулова 1984: 294-295). Полученное таким образом псл. **и-къ* 'шея' образовано от **uti* по той же модели, что и **tukъ* 'жир' (~ лит. *taukaĩ* pl. 'т. с.'): **ty-ti* (см. Sławski 1974: 89; тут же приведены другие примеры) от незасвидетельствованного **tuti* (ср. еще лит. *táukas* 'кусок сала', 'живот' ~ *tùkti* 'тучнеть, жиреть'; Фасмер 1987: IV, с. 116). Еще один пример действия такой модели представлен лит. *aĩkas* (выделяется в составе *padaĩkas* 'обувь', где первая часть = *pãdas* 'нога, подошва'), образованным от *aĩti* 'надевать или снимать обувь' (Fraenkel 1962: 27, 521). Впрочем, учитывая явную рудиментарность производных такого типа (отсутствие активной производящей глагольной основы) в славянских языках, а также функционирование аналогичных образований в балтийском, можно предполагать и более древнюю хронологию для **икъ*, т. е. собственно и.-е. **ai-ko-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – Вып. I (*а-аяюшка*). – 368 с.
2. БЕР: Български етимологичен речник / Съст. Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. – София: БАН, 1971. – Т. 1. – 680 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Резьянский словарь (под ред. Н. И. Толстого) / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Славянская лексикография и лексикология. – М.: Наука, 1966. – С. 183–226.
4. ДООВС 1858: Дополнение к опыту Областного великорусского словаря. – СПб., 1858. – 354 с.
5. Меркулова В. А. Комментарий к вопросу № 1443 вопросника ОЛА 'шея' / В. А. Меркулова // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1981: [сб. науч. трудов / отв. ред. Р.И. Аванесов]. – М.: Наука, 1984. – С. 294–295.
6. Мичатек Л. А. Дифференциальный сербско-русский словарь. Имена географические / Л. А. Мичатек. – СПб., 1903. – 757 с.
7. СРНГ: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
8. ТС: Тураўскі слоўнік / Рэд. А. А. Крывіцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – Т. 2. – 391 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.
10. ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2008. – Вып. 1–34.
11. Eckert R. Zu einigen Reflexen der indoeuropäischen Heteroklita auf *-l-* // *-n-* in den slawischen und baltischen Sprachen / R. Eckert // Zeitschrift für Slawistik. – 1979. – Bd 24, H. 1. – S. 17–23.
12. Fraenkel E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch / E. Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – Bd I. – 657 S.
13. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / F. Sławski // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. – Wrocław etc.: PAN, 1974. – Т. I. – 487 s.

Стаття надійшла до редколегії 06.06.2009